

ЧЕГО ИМ НЕ ХВАТАЕТ У ЧЕХОВА?

В.Б. Катаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kataev2003@yandex.ru

Аннотация: Информационным поводом для полемической реплики послужило выступление писателя Александра Мелихова (2020), который вслед за многими другими (в частности, вслед за Фадеевым, утверждавшим подобное еще в 1944 г.) видит некую ограниченность художественного мира Чехова в том, что у Чехова якобы нет «сильных» людей и изображения их действий. Такая оценка творчества Чехова представляется автору статьи следствием попытки применить к нему модели восприятия, сформированные культурой предшествующей эпохи, «героцентричной» литературой XIX века, приучившей судить о значимости писателя по масштабности его героев; по мнению автора статьи, героическое начало в мире Чехова присутствует, но предопределено не изображением подвигов персонажей, а личностью самого автора, и героическое здесь проявляется в авторском поведении (это и дерзость в нарушении ожиданий читателей и критики, и мужество в последовательном проведении своей линии, и сила художнического преодоления материала).

Ключевые слова: Чехов; Александр Мелихов; Александр Фадеев; героическое

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-16

Для цитирования: Катаев В.Б. Чего им не хватает у Чехова? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 199–204.

WHAT DO THEY LACK IN CHEKHOV?

Vladimir B. Kataev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kataev2003@yandex.ru

Abstract: This article presents a polemical answer the writer Alexander Melikhov, who, in 2020, like many others before him (in particular, Fadeev, who claimed this back in 1944), points at a certain “limitation” of Chekhov’s artistic world due to the fact that Chekhov allegedly does not depict “strong” people. This assessment of Chekhov’s work seems to the author of the article to be the result of attempts to apply models of perception formed by the culture of the previous era, the “hero-centric” literature of the 19th century, accustomed to judge the importance of the writer by the magnitude scale of his characters; according to the author of the article, the heroic element in Chekhov’s world is present, but it is by the personality of the author

himself, and the heroic here is manifested in the author's behaviour (this is audacity in violating the expectations of readers and critics, and courage in consistently pursuing his line, and the power of artistic overcoming of the material).

Keywords: Chekhov; Alexander Melikhov; Alexander Fadeev; heroic

For citation: Kataev V.B. (2026) What Do They Lack in Chekhov? *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 199–204.

Писатель Александр Мелихов (главный редактор журнала «Нева») посетил в недавние годы несколько чеховских конференций — в Мелихове, Москве. Выступив на них, он опубликовал статью «Чем утешает Чехов. О красоте, вырастающей из обыденности, и эстетизации бессилия» («Литературная газета», 19–25 февраля 2020. С. 8). То понимание сути чеховского творчества, которое отразилось в этой статье, напомнило мне еще одно давнее выступление и вызывает у меня желание вступить в спор. Это давнее выступление — статья о Чехове Александра Фадеева, написанная в 1944 году.

Взгляд на Чехова Фадеева и, в наши дни и с иными конкретизирующими аргументами, Мелихова во многом сходен.

Разумеется, оба писателя признают высочайший уровень художественности чеховских произведений. Мелихов: он еще в студенческие годы, прочитав «Скучную историю», «обомлел от еще невиданного сдержанного благородства и непонятно как из такой обыденности берущейся красоты». В статье мелькает слово «гениальный», перечисляются отдельные ипостаси чеховского таланта: «тонкий лирик», «проницательный ироник», «безжалостный изобразитель тупости и зверства». Сказано об искренней любви к Чехову «громовержца» Льва Толстого, о мировом культе Чехова-драматурга.

В своем последнем романе «Испепеленный» Мелихов ставит читателей перед непростыми вопросами: как представители различных этнических и религиозных групп вписываются в понятие национального характера? И здесь, в этом вопросе, в русской художественной литературе герои Мелихова главным видят авторитет Чехова. «Ангел превыше всего ценил Чехова-поэта — “Счастье”, “Степь”...» Заселенная людьми разных религий «Степь» затрагивает и еврейский вопрос. Семья Моисея Моисеича поначалу кажется Егорушке чем-то чужеродным, странным. Но подаренный хозяйкой Егорушке на прощание пряник в виде сердца будет согревать и возвращать ему чувство дома. Таким, утверждает в романе Мелихов, видится Чехову национальный характер, терпимый к различным верованиям на своей земле.

Таким образом, и в целом и в частностях, и в поэтике и в жизни Чехов для Александра Мелихова стоит на недостижимой высоте. Казалось бы, приятие безусловное, безоговорочное. Но...

Обратимся еще раз к статье. Все-таки главными, итоговыми составляющими суть чеховского мира в ней названы две: «эстетизация бессилия» и «дискредитация силы». Названы и безусловно осуждены. Как поясняются эти определения? Вслед за Львом Шестовым Мелихов готов повторить: Чехов был певцом безнадежности, убивал всеми способами человеческие надежды. В глазах Мелихова Чехов не справлялся с защитой человека от ощущения собственной мизерности и мимолетности. Чехов изобразил всю Россию, но у него нет ни одного счастливого, захваченного своим делом человека, другими словами, нет у Чехова положительных героев. Иной раз, признается писатель, «мне хочется назвать мир Чехова гениальной клеветой на божий мир». Истинных героев русской жизни, например титанов «Народной воли», Чехов в «Рассказе неизвестного человека» представляет в пародийном изложении пошляков. А ведь сам он вел подвижническую жизнь и, откликаясь на смерть Пржевальского, умел видеть героев и восторгаться ими. Изображал же он людей, «которые достаточно возвышаются над средой <...> но не настолько, чтобы сделаться героями и вождями». «Устранив из своего мироздания могучих и целеустремленных», Чехов сосредоточился на изображении слабых и лишенных цели.

Так, признавая присутствие огромных достоинств и в то же время указывая на видимые ему отсутствия, воспринимает мир Чехова Александр Мелихов.

Такое же двоякое видение Чехова и отношение к нему можно встретить и в упомянутой давней статье Александра Фадеева (да и не только в ней: на самом деле это самая частотная и устойчивая парадигма упреков и даже обвинений Чехову).

Статья Фадеева открывается утверждением, что Чехов — «несомненно, один из самых чудесных писателей на земле», и перечислением самых выразительных и занимательных сторон чеховских рассказов. «Чехов необыкновенно чист, прозрачен, прост». Но — и далее следует череда упреков, перечисления того, чего недостает у Чехова. Мол, были же в России в чеховское время рядовые Мичурины, рядовые Горькие, наконец, рядовые Ленины — а он никого подобного не изобразил.

Откликаясь на книгу Владимира Ермилова, Фадеев напишет об ограниченности Чехова, называя ее «ограниченностью политической»: это отсутствие у него «положительных образов людей из народа». Сразу делая при этом оговорку, что это «не снимает величия

духовного — в том числе писательского — облика Чехова». Снова та же двойственность.

И приведенные мною примеры находятся, повторяю, в длинном ряду сходных суждений.

Ведь этот упрек — в том, что нет у Чехова положительных героев, воплотивших лучшие потенции русской жизни, — в разное время бросали то натуралист Боборыкин (он-то показал положительного купца в «Василии Теркине»), то монархист Солоневич (мол, слабые герои Чехова не могли бы создать могучей страны), то соц-реалист Александр Фадеев, то наш современник Александр Мелихов.

К этой ставшей стандартной схеме по сути прибегал и Александр Солженицын в своих заметках «Окунаясь в Чехова». При всей комплиментарности по отношению к отдельным рассказам и отдельным сторонам чеховского мастерства, солженицынское толкование включает то, «чего, по-моему, не хватает Чехову». И — «в чем слабости Чехова».

И первый упрек — отсутствие положительного героя, изображения положительных сил русской жизни. Чехов «не видит нигде в России людей деловых, умных, энергичных созидателей, которыми только стоит страна». Преобладание ноющих героев (в рассказах об интеллигенции)...

И тут не знаешь, чему удивляться: так не замечать черту, дистанцию, отделяющую автора от персонажей, хоть «ноющих», хоть «не ноющих», автора сильных, крепких повествований о слабых людях! Все приводившиеся выше сетования и упреки игнорируют то основное правило понимания создаваемых писателями творений, о котором говорил Лев Толстой:

«Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету. <...> Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев — мы ищем и видим только душу самого художника».

И вот тут надо сказать о том шаблоне читательского и критического восприятия и понимания художественного произведения, который воспитала у нас литература XIX века. Она сделала привычным осознавать себя, открывать смысл действительности через образы литературных героев. Считать критерием значительности произведения образ созданного в нем героя, судить о значимости писателя по масштабности и типичности его героев. По определению Толстого, этот подход свойствен «людям мало чутким к искусству», тому, может быть, большинству читателей, для которых первичная

действительность произведений — герои и сюжеты — заслоняет сложную систему ее отношений с глубинной структурой образа автора.

Популярные в чеховскую эпоху у читателей и критики писатели Потапенко, Вас. Немирович-Данченко, Станюкович, Боборыкин представляли те или иные формы «передовитости», формы деятельности своих положительных и идеальных героев. Читательский интерес к ним пришел и ушел вместе с определенным отрезком времени. Но сам пафос «героецентризма» остался.

А для Чехова важнее, чем создание типа, образа героя времени — иная литературная установка. Ее можно определить так: исследование природы человеческой ориентации в мире. При этом проверке на истинность и прочность подлжит любая претензия на героичность, «передовитость», на знание правды — и вообще любая из принятых форм определения человеческой сущности. В его художественном мире определенность «героя времени» или просто «героя» становится относительной, чаще всего не соответствующей критериям «настоящей правды», напоминать о которой Чехов никогда не устает. Иной концепции художественного мира соответствует иной художественный язык, выработывавшийся Чеховым. Так, тех, кто, казалось бы, напрашивается на звание «героя времени», «человека подвига», у Чехова непременно сопровождает ирония; небоязнь иронии в описании героического — знак высшей смелости творца.

И надо определенно ответить всем упрекавшим: герой в мире Чехова есть, это сам Чехов. Несомненные признаки героизма в образе автора (дерзость в нарушении ожиданий читателей и критики, мужество в последовательном проведении своей линии, сила художнического преодоления материала и т. д.) заслонялись для большинства очевидным отсутствием героичности в первичной реальности чеховских произведений.

«Чехов устранил из своего мироздания могучих и целеустремленных»? Он «не видит нигде в России людей деловых, умных, энергичных созидателей, которыми только стоит страна»? Да ведь русский писатель стал одним из духовных наставников человечества, разве созданное им художественное мироздание не стало одним из признанных вкладов России в мировую культуру?

Надо твердо признать присутствие героического начала в мире Чехова.

Поступила в редакцию 11.01.2026

Отредактирована 25.01.2026

Принята к публикации 21.04.2026

Received 11.01.2026
Revised 25.02.2026
Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Владимир Борисович Катаев — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; kataev2003@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Kataev — Prof.Dr., Professor, the Department of Russian Literature History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kataev2003@yandex.ru